

RORY POWER

burn
our
bodies
down

РОРИ ПАУЭР

СОЖ-
ГИТЕ
НАШИ
ТЕЛА

Перевела с английского Марина Давыдова

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
П21

BURN OUR BODIES DOWN
by Rory Power

Напечатано при содействии литературного агентства
AJA Anna Jarota Agency.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Пауэр, Рори.

П21 Сожгите наши тела : [роман] / Рори Пауэр ; пер. с англ. М. Давыдовой. — Москва : Popcorn Books, 2023. — 304 с.

ISBN 978-5-6048361-5-6

Вопросы без ответов. Семья без прошлого. С самого рождения у Марго была только ее мама, и, хотя отношения у них не складываются, они вынуждены уживаться друг с другом в старой запущенной квартире.

Но Марго этого мало. Она хочет иметь настоящую семью, семью с историей. И когда она находит фотографию, указывающую на город под названием Фален, она отправляется туда — вот только получает совсем не то, на что рассчитывала.

Мать Марго покинула Фален не случайно. Для того ли, чтобы скрыть прошлое? А может, она хотела защитить от этого прошлого Марго?

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Марина Давыдова, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
Popcorn Books, 2023

Text copyright © Nike Power 2020

Cover art copyright © Allison Reimold 2020

ISBN 978-5-6048361-5-6

*Я так гордилась, что не чувствую сердца.
С пробуждением приходит гнев.*

Элиза Грисволд, Руины

ОДИН

Я чиркаю зажигалкой, и между пальцев расцветает огонек. В такую-то жару. Стоит конец июня, и вездесущее солнце низко нависает над землей. Но меня это не останавливает. Пламя неровно трепещет в руке.

Свеча, которую я зажгла утром, стоит на журнальном столике. Ароматизированная, с запахом гвоздики и хвои, — мама стащила ее на работе еще в прошлом году, но мы до последнего оттягивали, жгли вместо нее остальные запасы. Простые чайные свечки или высокие церковные, которые мама принесла из церкви. Но запасы подошли к концу, и в коробке, которую она хранит под кроватью, осталось только это рождественское убожество с навязчивым, приторным запахом. Но правила есть правила. Правила нарушать нельзя.

Поддерживай огонь; огонь защитит тебя. Первое и последнее правило — я знаю их назубок. Она объяснила мне их, едва я научилась держать в руке зажигалку. Нашептывала их перед сном в темноте. Прижимала губами ко лбу вместо поцелуя. Поначалу я задавала вопросы — оно и не удивительно. Но с Джо Нильсен учишься быстро. Она ставит тебя перед выбором: или ответы, или она, но никак не все сразу, так что выбирать нужно с умом.

Я выбрала ее. И в итоге не получила почти ничего.

Я подставляю ладонь к открытому окну и проверяю, нет ли сквозняка. На улице полный штиль, но нужно убедиться, что свеча не потухнет. Мама делает вид, что ее это больше не заботит, что главное — это сам ритуал зажжения, и это действительно важно. Каждое утро, когда я зажигаю свечу, она наблюдает за мной с выражением, которого мне никогда не понять. И все-таки... Я помню, как сильно мы поругались, когда однажды она вернулась с работы и увидела голый почерневший фитиль. Больше я такого не допущу. Особенно сейчас, потому что в последнее время она напряжена, как взведенная пружина капкана.

Я сползаю с подоконника на пол и прячу голову в тени. Голая кожа липнет к половицам, на языке собирается соль. Под потолком, замазанным потрескавшейся штукатуркой, собирается голубоватый дым. Беспокоиться не о чем: детекторов дыма у нас нет. Мама сорвала их и заплатила кому-то в пожарной части, чтобы к нам не ходили с проверками. В тот же месяц нам отключили электричество, но оно того стоило. По крайней мере, с ее точки зрения. Я ходила в школу, а потом возвращалась домой и делала домашку при свете зажатого во рту фонарика. Подстроилась под ее закидоны, как подстраивалась всегда.

Я бы многое отдала, чтобы узнать, что с ней произошло, почему она такая. Надеюсь, что я не пойду по ее стопам.

Солнце уже село, и комната погрузилась в сумрак, когда я наконец слышу дребезжание ее универсала. Мама вернулась со смены. Она работает администратором в похоронном бюро: отвечает на звонки, помогает подобрать размер гроба и заказать на поминки виски.

На лестнице раздаются шаги, но я не двигаюсь с места. Тело разомлело, отяжелело, влажный воздух пригвождает к полу. Мама вполне способна донести продукты сама.

Она заходит в квартиру вся растрепанная. Всклоченные волосы липнут к губам, на рубашке пятно от кофе. Мы с ней до того похожи, что нас часто принимают за сестер, и это отнюдь не комплимент. Одинаковый угрюмый рот, одинаковая седина на висках. Седые волосы у меня появились рано — я уже и не помню, как выглядела без них. Порой я ловлю на себе мамин взгляд. Порой она выглядит так, будто вот-вот заплачет. Раньше я думала, что напоминаю ей моего отца — человека, о котором она никогда не рассказывает; человека, от которого я наверняка что-то да унаследовала. Но со временем я вообще перестала о нем думать. Вместо этого я начала интересоваться прошлым мамы. Гадать, от кого у нее это лицо, так похожее на мое.

— Привет. — Она шурится на меня поверх пакета, и я замечаю грязное пятно у ее левого глаза, прямо над тонким рельефным шрамом, который появился еще до моего рождения. Этот шрам — то небольшое, чем мы с ней отличаемся.

Я отлепляю ляжки от пола и подтягиваю колени к груди. Пока все идет хорошо. Обе избегаем зрительного контакта, обе спокойны — но сейчас мы нарушим тишину и все испортим.

— Привет.

— Поможешь мне?

Она ставит пакет на шаткий столик у двери. Обводит квартиру взглядом. Все так, как она любит, и в центре комнаты ярко горит свеча, но она все равно морщится.

— Что, нельзя было закрыть окно?

Не дождавшись ответа, она проходит к окну, шаркая коленом по моему виску. Я слышу, как она грохочет рамой. Окно было приоткрыто на какой-то дюйм. Всего на дюйм, и другая мать на ее месте не сказала бы ни слова, даже

не заметила бы, потому что никаких правил бы не было. Но она права. Окно надо было закрыть.

И все-таки могло быть и хуже. Она переплетает пальцы с моими и рывком поднимает меня на ноги. От этого прикосновения в груди что-то переворачивается. Бывает, мы не касаемся друг друга неделями: она отшатывается, если я подхожу ближе чем на пару ярдов.

— Помоги мне, — повторяет она и с заметным усилием улыбается. — Можешь перекладывать продукты в холодильник.

На кухне еще жарче, чем в комнате. Фруктовые мошки, от которых невозможно избавиться, облепили люминесцентные лампы под верхними шкафчиками. Мама убирает с лица волосы и начинает расстегивать рубашку, пока я заносу пакет. Всего содержимого не видно, но то, что лежит сверху, оптимизма не внушает. Ее нельзя отправлять в магазин одну: если за ней не проследить, она принесет домой сухарики и упаковку помидорок черри или минералку и косячку копченого сыра. Если повезет, на двоих.

Дело не в том, что она обо мне забывает. По крайней мере, я так думаю. Но ее энергии хватает только на то, чтобы заботиться о ком-то одном, и этот человек всегда она.

В школе проще. Я обедаю в столовой, общаюсь с людьми, которые называют меня подругой — по крайней мере, когда я стою рядом, — и ловлю на себе испытующие взгляды учителей, которые замечают, что я хожу в летней одежде до глубокой осени. В школе я могу делать вид, что мама ничем не отличается от других родителей, что в свободное от учебы время я живу полной жизнью, а не сижу дома и жду, когда снова стану ей нужна.

Потому что иногда я действительно чувствую себя нужной. Когда она прижимает меня к себе и шепчет: «Мы с то-

бой одни на всем свете». И это хорошо, потому что она решила, что все-таки любит меня, но одновременно и плохо, потому что крючки, которыми мы держимся друг за друга, засели слишком глубоко и вырвать их можно только с мясом. Но мне все равно. Мы друг для друга весь мир.

Сегодня она принесла домой шесть бутылок минералки и пакет со сладким перцем. Если бы такой набор принесла я, она сказала бы, что у нас есть водопровод, а овощи слишком дорогие, но я знаю, как она ведет себя в супермаркете, как застывает и как будто бы ничего не видит перед собой. Я молча убираю покупки в холодильник, к хот-догам и куску дешевого сыра, которые она принесла в прошлый раз.

— Чем будем ужинать? — спрашиваю я. Я уже представляю, как мы вместе готовим ужин — бестолковый и безвкусный, зато вдвоем.

Ошибка. Возможно, в другой день она бы отреагировала иначе, но не сегодня. Я вижу, как у нее сжимается челюсть и сужаются глаза.

— Чем ужинать? — переспрашивает она.

У меня еще есть шанс исправить ситуацию.

— Угу. — Я достаю из холодильника хот-доги, не обращая внимания на омерзительную жижу на дне упаковки. Надо показать ей, что я имела в виду, что сама приготовлю ужин на нас обеих. Что я не ожидаю от нее больше того, что она уже для меня сделала. — Я могу обжарить перец или...

— Если мои покупки тебя не устраивают, — рывкает она, — можешь съездить в магазин сама.

Она достает из кармана ключи и швыряет их на стол. Я запрещаю себе двигаться с места. Если я возьму ключи, мы поссоримся, и, чтобы закончить эту ссору, мне придется сесть в машину, доехать до заправки и купить пачку соле-

ных крендельков. Иначе с мамой никак. И со мной тоже — этому я научилась у нее. Идти до конца, что бы ни случилось.

— Нет, — говорю я осторожно, — все нормально.

Но она уже завелась.

— Езжай и купи на мои деньги все что душеньке угодно. — Она подходит ближе и вжимает мне в грудь холодные жесткие ключи. — Давай. Не хочешь ехать — иди пешком.

Я сплетаю пальцы, чтобы не выхватить ключи, не клюнуть на наживку. Она чувствует вину. Потому и провоцирует меня на ссору. Но от того, что я это понимаю, легче не становится.

— Ну правда, — говорю я. — Я не это имела в виду.

Это не то, что ей нужно. Я это прекрасно понимаю. Но того, что ей нужно, я ей давать не хочу.

— Хочешь, я соберу тебе ужин? — предпринимаю я новую попытку. В моих силах закончить эту ссору. Я уже сто раз это делала. — Я не голодная.

— С каких пор тебя интересует, чего я хочу? — Она отворачивается, подходит к раковине, поворачивает кран и подставляет запястья под холодную воду, чтобы остудить кровь.

— Ну что ты такое говоришь! — Так и быть, если это поможет выйти из тупика, я готова немного уступить. Я возьму на себя очередную крупицу вины. Эти крупички — единственное, что безоговорочно принадлежит мне. — Прости. Я сама виновата.

Поначалу кажется, что она не услышала. А потом она поднимает голову и устремляет на меня отсутствующий взгляд, как будто я одно из тел с ее работы. Вода продолжает струиться по ее бумажной коже, пока я не подхожу ее выключить.

Она хлопает глазами. Тянется к моей щеке, касается того места, где у нее шрам. Моя кожа горит под ее холодной, мокрой ладонью, и я невольно зажмуриваюсь.

Она подается ближе, и я чувствую рывок у линии волос. Она отстраняется, сжимая в пальцах длинный седой волос. Она поседела лет в семнадцать, позже, чем я, но я не помню, кто мне об этом рассказал, и мне вдруг кажется, что это никак не могла быть она.

— Ой! — Я вынырываю из секундного замешательства и вижу, что она обернула волос вокруг пальца, так туго, что покраснела кожа.

— Какая жалость, — шепчет она себе под нос.

Она оставляет меня разбираться с ужином и скрывается у себя в комнате. Всю ночь она проводит в ванне. Сперва я думала, что она пытается остыть, но когда я захожу утром почистить зубы, то вижу, что зеркало запотело, а краны еще горячие.

Как поддерживать огонь. Как заштопать ссору, чтобы от нее остался только шрам. Подобным вещам учишься с такой матерью, как у меня. Но чаще всего ты учишься чувствовать себя любимой без единого подтверждения любви. Я занимаюсь этим уже семнадцать лет и до сих пор не овладела этой наукой.